

83
Ст 11-91

А.С. ПУШКИН

**П И Р В О В Р Е М Я
Ч У М Ы**

ОМСКАЯ ГОРОДСКАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

им. А. С. ПУШКИНА

Инв. №

~~12001~~

У 0

А.С. ПУШКИН

Пир во время чумы

(Из Вильсоновой трагедии:
The city of the plague)

~~1936~~

ОМСКАЯ ГОРОДСКАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА
Инв. № ~~1936~~

1936

Государственное издательство
"Художественная Литература"
Москва

Улица. Накрытый стол. Несколько
пирующих мужчин и женщин.

Молодой человек.

Почтенный председатель! я напому
О человеке, очень нам знакомом,
О том, чьи шутки, повести смешные,
Ответы острые и замечанья,
Стой едкие в их важности забавной,
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак, который ныне
Зараза, гостя наша, насылает
На самые блестящие умы.

Тому два дня, наш общий хохот славил
Его рассказы; не возможно быть,
Чтоб мы в своем веселом пиrowаньи
Забыли Джаксона! Его здесь кресла
Стоят пустые, будто ожидая
Весельчака — но он ушел уже
В холодные, подземные жилища...
Хотя красноречивейший язык
Не умолкал еще во прахе гроба;
Но много нас еще живых, и нам
Причины нет печалиться. Итак,
Я предлагаю выпить в его память,
С веселым звоном рюмок, с восклицаньем,
Как будто б был он жив.

П р е д с е д а т е л ь .

Он выбыл первый
Из круга нашего. Пускай в молчаньи
Мы выпьем в честь его.

М о л о д о й ч е л о в е к .

Да будет так!

(Все пьют молча.)

AK

П р е с е д а т е л ь .

Твой голос, милая, выводит звуки
Родимых песен с диким совершенством;
Спой, Мери, нам, уныло и протяжно,
Чтоб мы потом к веселью обратились
Безумнее, как тот, кто от земли
Был отлучен каким-нибудь виденьем

М е р и (поет).

Было время, процветала
В мире наша сторона:
В воскресение бывала
Церковь божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща темная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит, —
Тихо всё — одно кладбище

Не пустеет, не молчит —
Поминутно мертвых носят,
И стенания живых
Боязливо бога просят
Упокоить души их!
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой!

Если ранняя могила
Суждена моей весне —
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне, —
Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей;
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней.

И потом оставь селенье!
Уходи куда-нибудь,
Где б ты мог души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;

А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!

П р е д с е д а т е л ь.

Благодарим, задумчивая Мери,
Благодарим за жалобную песню!
В дни прежние чума такая ж видно
Холмы и доли ваши посетила,
И раздавались жалкие стенанья
По берегам потоков и ручьев,
Бегущих ныне весело и мирно
Сквозь дикий рай твоей земли родной;
И мрачный год, в который пало столько
Отважных, добрых и прекрасных жертв,
Едва оставил память о себе
В какой-нибудь простой пастушьей песне
Унылой и приятной... Нет! ничто
Так не печалит нас среди веселий,
Как томный, сердцем повторенный звук!

М е р и.

О, если б никогда я не певала
Вне хижины родителей своих!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себе я, кажется, внимаю

Поющей у родимого порога —
Мой голос слаще был в то время: он
Был голосом невинности...

Луиза

Не в моде
Теперь такие песни! Но всё ж есть
Еще простые души: рады таять
От женских слез, и слепо верят им.
Она уверена, что взор слезливый
Ее неотразим — а если б то же
О смехе думала своим, то верно
Всё б улыбалась. Вальсингам хвалил
Крикливых северных красавиц: вот
Она и расстоналась. Ненавижу
Волос шотландских этих желтизну.

Председатель.

Послушайте: я слышу стук колес!
(Едет телега, наполненная мертвыми телами.
Негр управляет ею.)

Ага! Луизе дурно; в ней, я думал —
По языку судя, мужское сердце.
Но так-то — нежного слабей жестокий,

И страх живет в душе, страстями томимой!
Брось, Мери, ей воды в лицо. Ей лучше.

М е р и.

Сестра моей печали и позора,
Приляг на грудь мою.

Лу и в а (*приходя в чувство*).

Ужасный демон

Приснился мне: весь черный, белоглазый...
Он звал меня в свою тележку. В ней
Лежали мертвые — и лепетали
Ужасную, неведомую речь...
Скажите мне: во сне ли это было?
Проехала ль телега?

М о л о д о й ч е л о в е к.

Ну, Луиза,

Развеселись — хоть улица вся наша
Безмолвное убежище от смерти,
Приют пиров ничем невозмутимых,
Но знаешь! эта черная телега
Имеет право всюду разъезжать —
Мы пропускать ее должны! Послушай
Ты, Вальсингам: для пресечения споров

И следствий женских обмороков, спой
Нам песню — вольную, живую песню —
Не грустию шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую песнь,
Рожденную за чашею кипящей.

П р е д с е д а т е л ь.

Такой не знаю — но спою вам гимн
Я в честь чумы — я написал его
Прошедшей ночью, как расстались мы.
Мне странная нашла охота к рифмам,
Впервые в жизни! Слушайте ж меня:
Охрипый голос мой приличен песне.—

М н о г и е.

Гимн в честь чумы! Послушаем его!
Гимн в честь чумы! прекрасно! bravo!
bravo!

П р е д с е д а т е л ь (поет).

Когда могущая зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов, —

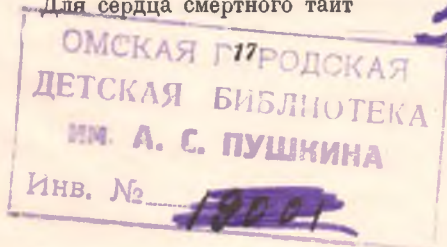
Навстречу ей трещат каминь,
И весел зимний жар пиров.

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой...
Что делать нам? и чем помочь?

Как от проказницы зимы,
Запремся так же от Чумы!
Зажжем огни, нальем бокалы;
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит

Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

Итак — хвала тебе, Чума!
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы,
И Девы-Розы пьем дыханье —
Быть может — — — полное Чумы!

(Входит старый священник.)

С в я щ е н н и к.

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной!
Средь ужаса плачевных похорон,
Средь бледных лиц молюсь я на кладбище—
А ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов — и землю
Над мертвыми телами потрясают!
Когда бы стариков и жен моленья
Не осылали общей, смертной ямы —

Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом.

Н е с к о л ь к о г о л о с о в .

Он мастерски об аде говорит!
Ступай, старик! ступай своей дорогой!

С в я щ е н н и к .

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души —
Ступайте по своим домам!

П р е д с е д а т е л ь .

Д о м а

У нас печальны — юность любит радость.

С в я щ е н н и к .

Ты ль это, Вальсингам? Ты ль самый тот,
Кто три тому недели, на коленях,
Труп матери, рыдая, обнимал
И с воплем бился над ее могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачет,

Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына
В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющий бешеные песни, между
Мольбы святой и тяжких воздыханий?
Ступай за мной!

П р е с е д а т е л ь .

Зачем приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не должен
Я за тобой итти: я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознаньем беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем доме встречаю —
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,
И ласками (прости меня господь) —
Погибшего — но милого созданья...
Тень матери не вызовет меня
Отселе — повдно слышу голос твой,
Меня зовущий — признаю усилья
Меня спасти... старик! иди же с миром;
Но проклят будь, кто за тобой пойдет!

Многие.

Bravo, bravo! достойный председатель!
Вот проповедь тебе! пошел! пошел!

Священник.

Матильды чистый дух тебя зовет!

Председатель (*встает*).

Клянись же мне, с поднятой к небесам —
Увядшей, бледною рукой — оставить
В гробу навек умолкнувшее имя!
О, если б от очей ее бессмертных
Скрыть это зрелище! Меня когда-то
Она считала чистым, гордым, вольным —
И знала рай в объятиях моих.
Где я! Святое чадо света! вижу
Тебя я там, куда мой падший дух
Не достигнет уже...

Женский голос.

Он сумасшедший —
Он бредит о жене похороненной!

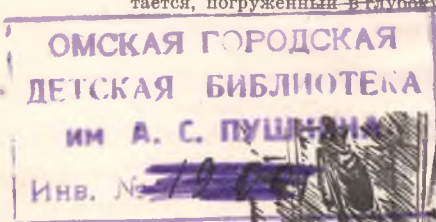
Священник.

Пойдем, пойдем...

Председатель.
Отец мой, ради бога,
Оставь меня!

Священник.
Спаси тебя господь!
Прости, мой сын.

(Уходит. Пир продолжается. Председатель остаётся, погружённый в глубокую задумчивость.)

*С гравюр художника
А. И. Кравченко*

Редактор С. Петров. Техни-
ческий редактор С. Симонов.
Общий переплет и макет
оформления Евген. Когана.
Корректор Т.Троицкая. Зак.
изд. 434. Х-оов. П91. Форм.
бум. $72 \times 105 \frac{1}{2}$ $\frac{8}{4}$ печ. л.
Уч. л. 0,5. Тир. 30000. Уполн.
Главлита 6-31232. Сдано в
набор 5/X-1936 г. Поди-
к печати 1/XII-1936 г. Опе-
чатано на бумаге Красно-
вишерского бумкомбината
им. Мэнжинского. 7-я ти-
пография «Искра револю-
ции» Мособлполиграффа, Мо-
сква, Филипповский, 13.

